

★ НОВАЯ
★ БОЕВАЯ
★ ФАНТАСТИКА

Роман ЗЛОТНИКОВ
Даниил КАЛИНИН

КНЯЗЬ ФЕДОР МЕЧ ТАМЕРЛАНА

Даниил Калинин
Роман Злотников
Князь Фёдор. Меч Тамерлана
Серия «Новая боевая фантастика»
Серия «Новая боевая фантастика»

*<https://litres.ru/72266167>
Князь Федор. Меч Тамерлана: 1;
ISBN 978-5-17-176011-3*

Аннотация

Исторический роман о противостоянии Руси и Золотой Орды. 1382 год: пока русские князья празднуют победу, хан Тохтамыш уже просит помощи у Тамерлана. Смогут ли они остановить новое нашествие?

Лето 1382 года. Зимний удар русичей обернулся полным успехом – и теперь уже Тохтамыш боится за свою столицу. В Сарае ждут ответного удара ушкуйников!

Но Тохтамыш стал ханом с помощью эмира Тамерлана...

А развивая Туран, Темир-Аксак имеет свои цели на севере – и потому раз за разом помогает ставленнику-чингизиду в его войнах.

Вот и теперь хан Тохтамыш бежал в Самарканд – вновь молить эмира о помощи. И празднующие победу князья даже не ведают, что смертельная угроза из глубин Азии вновь нависла над Русью...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

**Роман Злотников,
Даниил Калинин
Князь Федор
Меч Тамерлана**

© Роман Злотников, 2025

© Даниил Калинин, 2025

© ООО «Издательство АСТ», 2025

Глава 1

Разноцвет (июнь) 1382 года. Вициж, граница Брянского княжества

– Эге-ге-гей!!!

Князь Дмитрий Ольгердович недовольно посмотрел на Кречета – старшего дружинника и опытного ловчего, сопровождавшего господина во всех военных походах. Хоть на Куликовом поле, хоть под Булгаром – везде верный, храбрый Кречет был подле князя, защищая того своим мечом, щитом... А бывало, и собственным телом.

– Ну чего орешь-то? Вон птах небесных потревожил, зверье только пугаешь!

Кречет лишь белозубо улыбнулся:

– Княже! Так ведь родная земля – РОДНАЯ!!! Я эти сосенки и дубы как облупленные знаю, сколько раз здесь охотились! А просторы... Какая же красота!

Дмитрий Ольгердович, младший брат Андрея Полоцкого и верный союзник великого князя Московского, невольно усмехнулся: это да, красота... По левую руку полноводная Десна, весело несущая свои воды в Днепр, по правую, чуть в стороне, – набравшие сочной, роскошной малахитовой зелени леса, кишашие непуганой живностью. Обильна северская земля, обильна реками, лесами, плодородной землей, а еще храбрыми, стойкими в сече мужами и честными, красивыми

девами...

И пусть третий сын Ольгерда от Марии Витебской здесь чужак, но за годы сидения на княжьем престоле в Брянске Северскую землю он полюбил как родную.

– Обожди, княже.

Невольно отвлекшийся на свои думы князь с удивлением посмотрел на Кречета – пугающе резко посерьезневшего, насторожившегося. Последний легким кивком указал вперед:

– Посмотри, Дмитрий Ольгердович, на птиц. Впереди кружат над лесом во множестве, не садятся. Потревожил их кто-то... И что-то больно много воронов.

Ворон – птица умная, птица-падальщик. Когда вороны видят скопление ратных мужей, чувят битву, а после нее и обильное пиршество...

Не на шутку встревожившийся Дмитрий Ольгердович резко, зычно приказал:

– Пересесть на боевых коней, в брони облачиться! Приготовить копьа, мечи!

С Дмитрием Ольгердовичем в Брянск возвращается сильная дружина – не менее полутора тысяч справных бояр, считая уже исцелившихся от ран воев. Кто рискнет напасть на князя, возвращающегося в Брянск со всем своим войском?!

Словно услышав мысли господина, Кречет коротко предложил:

– Княже, дозвожь мне с малым отрядом разведать, что да как? Может, татары явились на нашу землю...

Дмитрий Ольгердович отрицательно мотнул головой:

– Не позволяю. Увидит ворог малый отряд, налетит всей силой – пока на помощь придем, вои и погибнут...

– Так может, хорошо же, вытащим поганых на себя, а там уж ты ударишь всей силой?

Но князь вновь отрицательно мотнул головой:

– Ты не расслышал про «погибнут»? И нешто я на пороге своего княжества ворога убоюсь?! Али думаешь, не узнали о нашем приближении поганые? Так ежели и устроили засаду за поворотом реки, все одно дозоры татарские нас издали приметили... Облачаемся в брони!

Изготовившись к сече, брянская дружина неспешным шагом проследовала за поворот реки. Пересевшие на боевых коней бояре и младшие дружинники с усмешкой поглядывают на лесную опушку, высматривая татей, крепко стиснув в руках копейные древки. Но когда враг показался, сердца ратников невольно заохлодели от его многочисленности.

– Ляхи!!!

Дмитрий Ольгердович узнал стяги сандомирских панов – малопольские хоругви, некогда занявшие Волынь, явились теперь и на его землю. Однако среди польских орлов, львов и прочих зверей князь разглядел и отцовский герб со всадником, воздевшим меч, – «Погоню»!

– Корибут...

Брянский князь осознал, кто привел ворога на его землю

– младший сводный брат Корибут от Иулиании Тверской, сподвижник предателя Ягайло! В крещении тезка, Дмитрий... Но счастливая догадка сильно запоздала, осенив разум Дмитрия Ольгердовича в тот самый миг, когда взревел польский рог, призывая ляхов к атаке!

– Вперед, русичи, постоим за родную землю! Се-ве-е-е-ppp!!!

– СЕ-ВЕ-Е-Е-PPP!!!

– BYC GORA!!!

В лоб на русичей полетели польские щитовики – шляхтичи победней, защищенные кольчугами да открытыми островерхими шлемами. Но каждый с крепким щитом и на ладном коне, а седло с высокими луками, специально изготовленное для таранного удара... Обе стороны успели взять разгон – и с грохотом сшиблись; хруст копейных древков и костей, крики увечных людей и животных слились в жуткую песню битвы.

Но у врага больше всадников – в два раза больше. Бросив на русичей рыцарей победнее, связав боем брянскую дружину, ляхи неспешно ввели в бой отборные хоругви панцирников! Хорошо защищенных бригантинами и шлемами-топфхельмами (или же новомодными хундсгугелями), отборных всадников на могучих дестриэ... И хоругви панцирников начали обтекать русичей с левого крыла, заходя в тыл дружине Дмитрия Ольгердовича.

– Княже, плохо дело! Окружают!!!

Оглушенный ударом булавы по шелому, брянский князь

не сразу услышал Кречета. Третий сын Ольгерда – храбрый, умелый воин; одним из первых вступивший в сечу, он точным «рыцарским ударом» ссадил щитовика, угодив граненым острием в голову врага. Мертвый лях вылетел из седла, словно снаряд из требушета; сила удара оказалась такова, что древко пики сломалось у самого наконечника... Схватившись за шестопер, Дмитрий принялся раздавать ляхам щедрые тяжелые удары, но в хаосе ближнего боя пропустил встречный удар булавы. От второго, добивающего удара спас Кречет – точным уколом зауженного к острию меча ловчий сразил польского пана. И тотчас отчаянно закричал, пытаясь дозваться до Дмитрия Ольгердовича:

– Прорубаемся назад, княже! Пока не поздно!

Брянский князь осоловело огляделся по сторонам – и только теперь заметил стяги панцирных хоругвей в тылу полуокруженной дружины. Проведя шершавым языком по мгновенно пересохшим губам, он хрипло повторил:

– Уходим...

После чего, возвысив голос, уже отчаянно закричал:

– Назад! Все назад!!! Отступаем!!!

*Липень (июль) 1382 года от Рождества Христова. Су-
рожское (Азовское) море*

– Пять... Шесть... Семь. Точно, семь кораблей.

У хорошего стрелка Алексея глаз острый, но и я уже различаю косые паруса галер у самого горизонта, практически

на границе видимости. Значит, наши невысокие ушкуи и струги с заваленными по-боевому мачтами (их завалили еще перед выходом в море) с галер пока не видно.

Вот только галеры ли это? Или фусте?

– Идут не в Азак, иначе уже заворачивали бы на восход. Следовательно, эти суда направляются в Порто-Пизано, опережая нас... Кормчий, Степан Никитич! Нужно зайти с солнечной стороны, чтобы фрязи и подавно нас не увидели, будем держаться на хвосте до наступления сумерек, а уж там начнем сближаться.

– Слушаю, княже! Братцы, влево уходим, выруливай!

Наше судно идет в голове «флотской колонны» из двадцати ушкуев и десяти казачьих стругов – не особо и велика судовая рать, но число моих «служивых» повольников заметно поредело после сечи под Ельцом и боя у Казани. Кто-то пал, кто-то был ранен, а кроме того, тяжелое поражение вятским ушкуйникам нанес Тохтамыш, поймав их в засаду у Керменчука... Атаман Федор Косой и несколько его воев чудом спаслись в устроенной татарами резне! Так что не все уцелевшие ветераны Булгарского похода князя Дмитрия Иоанновича вернулись со мной под Елец с дальней целью пощипать фрязей в Сурожском море. Кому-то хватило захваченных в Булгаре трофеев, кто-то вернулся на Вятку вместе с Федором, твердо решившим вырвать власть из рук излишне лихих, но не шибко умных атаманов вроде Буслая. И, по дошедшим до нас слухам, в настоящий момент Косой собира-

ет силы для рейда по волжским татарским городам... Плюс я не мог оставить Елец и семью совсем уж без прикрытия опытной речной стражи! Так что взял с собой всего шесть сотен ротников, да по пути к нам присоединилось три сотни справных казаков, вдохновленных победой русичей над Тохтамышем...

И, безусловно, впечатленных нашей прошлой добычей, захваченной в генуэзской Тане. Хорошо бы и теперь ударить именно по Азаку, памятуя слова Дмитрия Иоанновича о центрах татарского производства! Но в казачьих поселениях на Нижнем Дону нам сообщили, что в Тане сейчас встало довольно много кораблей, а обе итальянских фактории заметно увеличили гарнизоны на случай повторных набегов. Так что удар по Азаку ныне обойдется большой кровью – и еще неизвестно, увенчается ли победой. Девять сотен ратников? В прошлый набег у меня воев было побольше...

Но этих сил должно хватить, чтобы внезапным ночным наскоком захватить Порто-Пизано, небольшую генуэзскую факторию на месте будущего Таганрога. Правда, насколько она небольшая, тут еще можно поспорить – все же Тана была огромным татарским рынком с небольшим перевалочным речным портом. В то время как Порто-Пизано стала уже полноценным морским портом, откуда выкупленных у татар рабов, а также местную муку и рыбу доставляют в Геную... И если от Таны в Порто-Пизано чаще всего курсируют именно фусте с их малой осадкой и водоизмещением, свободно кур-

сирующие по рекам и мелководному Азовскому... то есть Сурожскому морю, то от Порто-Пизано до Генуи и прочих портов фряжской республики курсируют более крупные торговые и военные галеры.

Причем я не особо великий специалист, но, как кажется, сейчас и нет какой-то особой корабельной специализации между торговыми и боевыми галерами. Разве что на последней побольше арбалетчиков и морпехов, да и пушечное вооружение посильнее... Так вот, если моя догадка насчет маршрута замеченных нами судов верна, и эти самые корабли, чьи косые паруса сейчас едва виднеются на горизонте, идут в Порто-Пизано, то это именно галеры. Что для нас определенно лучше...

– Что думаешь, княже, много воинов у фрязей?

Миша говорит не очень громко, но, как всегда, внушительно, весомо.

– Если это галеры, а не фусте, то на каждом судне примерно по сорок арбалетчиков и примерно столько же воинов-пешцев. Причем состоят они в основном именно в гребном экипаже... Прочие же гребцы – это рабы на веслах.

Михаил согласно кивнул, поняв ход моих мыслей. Фусте – корабли речные и азовские, команды на них небольшие, но все гребцы также являются и морпехами. Сказывается опасность нападений черкесов-зихов, да и турецких пиратов на Черном (Русском!) и Азовском морях. Так что шестьдесят-восемьдесят воинов плюс два-три десятка арбалетчиков

– экипаж в ближнем бою более сильный, чем на галерах. Последние потому и идут караваном, потому как вместе больше шансов отбиться...

Небольшая волна, гонимая ветром, ударила о борт, окатив меня прохладными солеными брызгами. Эх, как же хорошо-то! Я на мгновение зажмурился, подставив лицо легкому морскому бризу, и остро пожалел, что вместо обязательного набега не смогу вернуться сюда с женой и сыном Георгием. Просто причалить к симпатичному песчаному пляжику, провести на берегу хоть несколько дней... Водичка-то июльская, отлично прогретая! Да и море радует глаз необъятными просторами и голубовато-зеленым оттенком вод, ближе именно к голубому. Тот факт, что Азовское море куда меньше Черного и не такое глубокое, как-то забывается – как только теряешь берег из виду и оказываешься посреди морских просторов...

А между тем наш ушкуй, следующий в голове, принялся заворачивать влево, в сторону уже перевалившего за полудень солнца, стремясь «перехватить» линию движения итальянских галер в тылу каравана. Это мы заходим с солнечной стороны... После же начнем понемногу преследовать противника, стараясь не потерять его из виду.

«Старый» казачий прием, широко используемый донцами и запорожцами при охоте на турецкие суда в Черном море в шестнадцатом и семнадцатом веках... Да и на Азове казачки промышляли морским разбоем.

– Княже, а они ведь быстрее нашего идут. Как догонять-то будем?

Алексей, сумевший даже прикинуть примерную скорость генуэзских судов (а может, и венецианских!), задал отнюдь не праздный вопрос. Но я, как говорится, «подготовился».

– Галеры довольно осторожно следуют вдоль береговой линии от порта к порту, где пополняют быстро пустеющие запасы еды и питьевой воды. А ночью встают на привал, бросив якорь... И гребцам отдохнуть, и кораблем не рисковать, налетев на мелководье или подводные скалы, выступающие из моря поближе к берегу. Так что ночью мы их обязательно догоним!

Я не смог сдержать торжествующе-кровожадных интонаций в голосе, но после поспешно добавил:

– Правда, к вечеру они уже наверняка дойдут до Порто-Пизано, но это и хорошо, это нам только на руку. Одно дело самим рыскать вдоль берега, пытаясь найти порт и рискуя быть замеченными фряжскими еще на подходе, но совсем другое, когда враг сам покажет нам дорогу!

Дружинники встретили мои слова одобрительным гулом – фряжи безусловно враги, они поставили себя в один ряд с татарами, дав Мамаю денег на наемников и предложив темнику своих арбалетчиков. Да и конфликт беклярбека с Дмитрием Иоанновичем начался именно через генуэзцев... Кроме того, даже не сотни – тысячи русичей ежегодно проходят через невольничьи рынки итальянцев. И именно благодаря

им обитающие в Крыму и у морского побережья татары стали рассматривать людоловские набеги на Русь в качестве выгодного бизнеса.

Ну что же... Генуэзцы Таны на своей шкуре испытали последствия работорговли, теперь пришла очередь фрязей из Порто-Пизано.

Караван галер приблизился к гавани еще засветло, встав неподалеку от пристаней. Последние не очень обширны и забиты небольшими судами и лодками; кроме того, вдоль берега на север тянется уже песчаная коса. Так что и пристать поближе довольно крупные морские галеры наверняка не смогут – слишком мелко.

Генуэзская гавань не столь и большого, как оказалось, порта, захваченного у пизанцев еще в самом начале четырнадцатого столетия (после поражения у Мелории), располагается на северной стороне вдающегося в море мыса. Иными словами, совсем не там, где был построен Таганрогский порт – последний заложили у юго-восточной оконечности мыса и там же возвели молы, создав искусственную гавань.

Крепость... Мы неплохо рассмотрели ее в багровых лучах заходящего солнца. Сигнальный огонь на вершине башни-донжона горит ярко, башню построили довольно высокой. Но, очевидно, ее используют и в качестве маяка – для того и возводили фундаментально, на века. По периметру же стены не очень протяженны – это не полноценный город с

крепостным обводом, а небольшой замок, служащий местным купцам и морякам пристанищем на случай татарских набегов. Что, впрочем, случаются не слишком часто... Надеюсь, с моря горожане Порто-Пизано также не ждут крупного набега – все же, насколько мне известно, черкесы пиратствуют лишь на море, не нападая на крепости фрязей. А турки, здорово пошумевшие в начале столетия, были разбиты объединенной генуэзско-венецианской эскадрой еще в сороковых годах и сейчас поумерили свою активность.

Уж тем более в акватории Азовского моря, ставшего «внутренним» итальянским...

– Ну что, братцы. Как солнце сядет, без лишнего шума гребем к галерам – по четыре струга на каждую, а где и по пять. На брони накинуть кафтаны, чтобы луна отблески на металл не бросала, клинки заранее не оголять! Стражу постараемся снять без лишнего шума и, если что, освобождаем гребцов. Они помогут перебить команды...

Вои на моем ушкуе и соседних судах, подошедших поближе, согласно закивали; остальным мои слова передадут по цепочке.

– Захватим корабли, идем к берегу. Бой на галерах фрязи услышат наверняка, так что и смута у них начнется будь здоров... Следовательно, горожане постараются укрыться в крепости, так вот не мешайте им, лишний раз кровь не лейте. Наверняка уже никто не будет вскрывать рабские загоны и отводить в крепость многочисленных невольников. Значит,

мы освободим их с легкостью! Также бегущие горожане не смогут забрать с собой свое добро, разве что кошель с серебром и золотом... Но все товары останутся в домах и закромах, а значит, нам с лихвой хватит добычи! Сотня воев с самострелами, моя дружина и сотня тяжелых пещцев-повольников останутся со мной подле ворот крома на случай вылазки фрязей. Остальным – прежде всего освободить русских рабов! Ну и набрать как можно больше добычи... Суда на пристани не жечь – местные струги нам потом пригодятся, чтобы вызволить полон.

– А ежели на плечах беглецов войти в кром, а?

Вопрос задал атаман Дмитрий Шуй, ведущий моих повольников в сечу на правах полунезависимого вассала. Впрочем, Дмитрий был самым лояльным из атаманов ротников с первой нашей встречи в Хлынове... Однако же и свое мнение он не стесняется высказывать, в случае если оно расходится с моим.

Сейчас Дмитрий стоит на соседнем ушкуе и внимательно, но без вызова смотрит на меня из-под кустистых бровей, так что и ответ я даю столь же спокойно, стараясь все подробно разжевать:

– Как я уже сказал, захватить корабли без шума не удастся, а тревога на берегу поднимется еще до того, как мы причалим к пристаням. Следовательно, гарнизон изготовится к бою, арбалетчики поднимутся на стены и встретят тех, кто будет преследовать горожан, залпом болтов. А то и картечью

«тюфяков»... Кроме того, фрязи успеют заранее встать у ворот – и наверняка закроют их перед носом ушкуйников, даже если не все беглецы спасутся в крепости. А значит, мы лишь потеряем воев – и немало воев! – за призрачную добычу, которая явно не будет стоить их крови... Вспомни Тану и атамана Уса – даже тогда, несмотря на внезапность нашего удара и сильную панику, он смог ворваться в крепость лишь с очень большими потерями.

Дмитрий только хмыкнул, после чего уточнил:

– А ежели фрязи сразу пошлют дружину на берег, встретить нас у самой воды?

Я только повел плечами:

– Значит, мы разобьем и опрокинем их.

После чего, заметив на губах Шуя едва видимую из-под густых усов и бороды улыбку, также усмехнулся:

– И на плечах бегущих ворвемся в крепость!

Глава 2

Липень (июль) 1382 года от Рождества Христова. Гавань Порто-Пизано

Обмотанные мокрыми тряпками уключины не скрипят, а опытные гребцы идут по воде без всплесков, аккуратно погружая весла в водную гладь. С берега и замерших на «рейде» галер нас не видно: мы сумели рассчитать время выхода из Ельца так, чтобы дойти до устья Дона и пройти еще день пути до Порто-Пизано под самое новолуние. Конечно, мы допустили небольшую погрешность в расчетах, а может, где-то не уложились в график, но все одно небо сейчас освещает лишь тонкая полоска месяца, не дающая практически никакого света. Так что с галер нас не увидят и не услышат, пока абордажные крючья не зацепятся за планширь фальшборта...

Сыро и зябко – с наступлением ночи температура заметно падает, и на воде становится очень свежо. Плюс холодит тело кольчуга, накинутая поверх рубахи, – больно тяжела пластинчатая броня пещцу, особенно в маневренной схватке... Я решил сменить ее на менее прочную, но и не столь сковывающую движения кольчугу. В последнюю, впрочем, все же вплетены две круглые стальные пластины, прикрывающие сердце и живот. А вот поверх ее – легкая, но довольно плотно набитая стеганка, что сама по себе может защитить от

нанесенного вскользь удара (естественно, не колющего) или остановить стрелу на излете. С арбалетным болтом такое, конечно, не пройдет, но от пущенного в упор арбалетного болта не спасут и «дощатые брони»... А в целом – продолжаем ромейские боевые традиции. Византийские катафракты и курсорес нередко носили стеганку поверх броней. Правда, катафракты на кольчугу надевали еще и пластинчатый панцирь...

Да и наши, «отечественные» татаро-монголы модернизировали подобный тип брони в «куяк», а европейцы тотчас переняли наработку, создав на основе куюка бригадину.

Еще перед выходом на «рубеж атаки» мне удалось разделить казаков и повольников на семь примерно равных групп и наметить каждой из них свои цели. Так что сейчас струги и ушкуи идут четко к своим кораблям, ориентируясь на крошечные светильники, обозначающие положение галер, – по четыре или даже пять судов на одно фряжское. Вот, к сожалению, не удалось нам рассмотреть, курсировали ли лодки между вновь прибывшими кораблями и берегом, но думаю, что, раз суда пришли перед самым закатом, разгрузку товаров провести никто не успел. А если все товары еще в трюме, значит, и большая часть команд все еще находится на галерах, охраняя богатство купцов...

С другой стороны, это даже к лучшему. Сейчас на нашей стороне фактор внезапности и численное преимущество. Сойди же морпехи и арбалетчики фрязей на берег, поз-

же они встретили бы нас залпами болтов на пристанях... И наоборот – во время abordажа мы точно не дадим разгуляться генуэзским арбалетчикам!

– Тихонечко, тихонечко...

Я успокаиваю сам себя – Степан Никитич все одно меня не слышит; но кормчий и так знает свое дело, притирая ушкой практически к самому борту намеченной в качестве цели галеры. Дальней галеры – по-прежнему следуя в голове своего флота, я спланировал атаку так, чтобы все ушки и струги причалили к «своим» судам практически одновременно... Кажется, кормчий не столько видит, сколько угадывает очертания галеры, и все же он довольно мягко подвел ушкой к вражескому кораблю. Так что теперь я почувствовал совсем слабый толчок бортов...

Но все же веселые голоса дозорных, не очень громко переговаривающихся друг с другом и даже явственно посмеивающихся над какой-то шуткой, резко оборвались. После чего последовал куда более громкий возглас, а затем послышались чьи-то шаги, направленные к фальшборту именно с нашей стороны.

– Стрелки, приготовились...

Я шепчу приказ одними губами, но дружинные и так знают свои задачи. Кто-то вооружен самострелом, как Михаил (неплохо освоивший трофейный арбалет), кто-то сохранил верность тугому композитному луку. Алексей вон уже наложил бронебойную стрелу с граненым наконечни-

ком на тетиву... Спустя пару секунд томительного ожидания над фальшбортом показался генуэзский страж, решившийся подсветить себе факелом, но в итоге он лишь засветил собственную голову и верхнюю часть корпуса.

– Бей.

В ответ на мой приказ звонко хлопнули тетивы – и сразу несколько болтов и стрел ударили в лицо и грудь несчастного стража! Он погиб мгновенно, без звука рухнув назад, но его товарищ отчаянно закричал:

– Pericolo!!!

– Бросай крючья!!!

Все, теперь счет пошел на секунды...

Сразу несколько канатов с привязанными кошками взлетели вверх, зацепившись за планширь, и по ним тотчас принялись карабкаться самые ловкие дружинники. Причем вои уже успели нацепить шеломы и накинуть на левую руку небольшие щиты-калканы... Последние неплохо защищали нас от татарских стрел во время перехода по Дону, а в ближнем бою способны остановить даже колющий удар, коли тот принять на стальной умбон! Кроме того, калканы обладают явным преимуществом во время абордажа – они куда легче деревянных щитов и их можно нацепить на руку локтевыми ремнями...

– Севе-е-ер!!!

Боевой клич моих гридей взбодрил и так уже проснувшуюся команду – и сверху тотчас слышались лязг клинков и

яростные вопли сражающихся.

– Братцы, десяток стрельцов в бой вступает лишь в крайнем случае! Прикрывайте соратников и выбивайте фрязей с самострелами в первый черед!

Дав последнее указание, я и сам принялся карабкаться наверх – одновременно с Мишей и Алексеем. Не столь и высок борт генуэзской галеры, а в руках достаточно силы, чтобы довольно быстро поднимать себя наверх даже в броне. И все же эти мгновения беззащитной уязвимости кажутся особенно жуткими – вот именно сейчас свесится вниз фрязь с арбалетом и всадит болт в упор прямо в грудь, всего с пары-то метров!

Но никто не свесился – первая волна дружинников вступила в бой еще до того, как генуэзцы опомнились и осознали, что галеру берут на абордаж. А затем завязался ближний рукопашный бой – и за время моего подъема никто из генуэзцев к фальшборту так и не прорвался...

Штурм фряжского корабля идет не только с моего ушкуя – к галере уже пристали три струга. Кроме того, звуки боя доносятся уже со всех кораблей итальянского каравана! А заодно и звон сигнальных колоколов – подхваченный и на берегу, в крепости...

Но вот и фальшборт. Схватившись руками за планширь, я с силой подтянулся наверх, чтобы тотчас перебросить свое тело на палубу. Вот только перевалился через фальшборт я уже довольно тяжеловато – все-таки кольчуга и оружие за-

метно прибавляют веса на подъеме...

Однако же перевести дух мне никто не дал – заметив появление очередного противника, ко мне тотчас рванулся один из вражеских морпехов! На моих глазах тот вонзил короткий и широкий клинок в спину сражающегося с другим итальянцем дружинника... А после ринулся на меня, пока я не успел подняться на ноги!

Удар! Сильный и довольно точный выпад фашильона – короткого широколезвийного клинка со скошенным обухом – я едва ли не вслепую принял на умбон калкана. Как же все-таки темно – несмотря на несколько факелов, что успели зажечь фрязи... И все же мне удалось парировать укол, заученно скрутив корпус слева направо – тем самым я ушел с линии атаки, провалив противника вперед. Но при этом лезвие фашильона, скрежетнув по умбону, вспороло обивочную кожу и верхние прутья щита...

– Muori!!!

Н-да, доброго здоровья он мне точно не желает... Отдернув руку назад, противник тотчас вскинул клинок над головой, намереваясь обрушить на мою голову резкий рубящий удар. Но прежде чем фашильон рухнул бы вниз, я с силой рванулся вперед, буквально протаранив врага щитом! Толчок вышел довольно сильным – итальянец потерял равновесие и попятился, отступил на пару шагов... И прежде чем он вновь бросился бы на меня, я успел рвануть из-за пояса верный чекан с граненым жалом-клевцом на обухе.

– Muori!!!

Противник вновь атаковал, в этот раз ударив по моему калкану баклером – небольшим «кулачным» щитом. Но баклер слишком мал, чтобы потеснить меня ударом щита в щит... Нет, это было лишь обманное движение – отвлекающее от резкого косога удара фашильона, вновь рухнувшего сверху!

Но я угадал этот удар, почуял его прежде, чем итальянский клинок начал движение вниз, и сумел уклониться, пригнуть голову и сместиться вперед с подшагом влево... Разворот корпуса, разгоняющий ответный удар, – и лезвие чекана врубается в открытую справа шею противника! Ведь последний провалился вперед во время атаки и уже не успел защититься...

Очередной морпех ринулся на меня с абордажным топором – так же подняв его над головой, чтобы поскорее рубануть сверху. Широкое лезвие, массивный боек – легкий плетеный щит его не остановит... Интуитивно поняв это еще на сближении, я все же прикрылся калканом. Но одновременно с тем нырнул вниз и на подшаге ударил по левой ноге фрязя! Рубануть не удалось – я провел атаку в движении, едва ли не боксерским нырком смещаясь вправо вперед. Так что удалось лишь полоснуть лезвием чекана повыше колена противника...

Но и этого оказалось достаточно, чтобы итальянец вскрикнул от боли и потерял равновесие, провалившись в

собственный рубящий удар! Грозно загудев, вражеский топор лишь рассек воздух за моей спиной, а вот я, пружинисто распрямившись, рубанул на развороте, угодив бойком точно в висок врага... Последний без звука тяжело рухнул на палубу – словно подкошенное дерево.

– Это вам и за брань с Мамаем, и за Кулики... И за Севастополь!!!

Как-то некстати вспомнилось, что в годы Великой Отечественной в Крыму и у Черноморского побережья Кавказа довольно успешно действовала 4-я флотилия MAS в составе сверхмалых итальянских подводных лодок и торпедных катеров. На счету флотилии имеются успешные поражения уже советских подлодок и кораблей, так что макаронники внесли свою лепту в падение Севастополя, все время осады снабжавшегося лишь морем...

Рукопашная схватка на палубе еще только набирает обороты. В хаосе ближнего боя да при крайне слабом освещении стрелять невозможно, так что гонуэзские арбалетчики в большинстве своем бросились в сечу, вдвое увеличив число защитников корабля. Но и с ушкуев, стиснувших галеру с обоих бортов, поднялись практически все повольники и казаки, принявшись яростно рубить фрязей! Мои речные пираты – бойцы опытные, бывалые, а еще их просто больше. Так что бой мы однозначно забираем – вот только с какими потерями?

Неожиданно в отблесках факела я увидел впереди себя ар-

балетчика – последний, вопреки здравому смыслу, не выпустил самострел из рук и теперь целится именно в мою сторону! Страх обжег сердце; пытаюсь спасти себя, я мгновенно рухнул на колени, одновременно с тем инстинктивно метнув топор вперед... Без замаха, одной лишь кистью – отчаянным движением обреченного, но дерущегося за жизнь человека.

Над ухом свистнул болт, пощекотав кожу. А чекан сделал в воздухе три оборота, с силой ударил в грудь гемуэзца обухом, отбросив того назад... Но ведь к обуху прикован граненый штырь клевца! Арбалетчик рухнул на спину – рухнул с отчаянным, обреченным вскриком смертельно раненного... И я тотчас бросился к нему – забрать топор и при необходимости добить врага.

Добивать не пришлось: противник распластался на палубе, пытаюсь остановить кровь из раны и не оказывая сопротивления. А мое внимание привлекли отчаянные крики под ногами – особенно отчетливо они раздаются из черного зева, ведущего с палубы вниз. Я едва не шагнул в него, но именно вопли прикованных к веслам рабов предостерегли меня от опасности... А то бы полетел кубарем вниз, свернув шею на лестнице! Точнее, на трапе, если пользоваться морской терминологией...

– Алексей, Миша, сюда! Помощь нужна!

Оторвавшиеся в пылу схватки телохранители поспешили на звук моего голоса; за ними увязалось с пяток дружинников.

– Братцы, внизу невольники! Может, и наши, братья-славяне... Нужно не только освободить их, но и организованно вывести на палубу, чтобы те не стали жертвами ушкуйников, а заодно и не напали на наших!

Гриди согласно закивали, и я коротко скомандовал:

– Миша и Алексей со мной, держимся чуть позади. Остальные – как только мы вырубим внизу всех фрязей, вы замрете на подъеме лестницы, сцепив щиты... Все, вперед!

Дружинные первыми спустились вниз, готовые прикрыть нас от арбалетных болтов не только щитами, но и собственными телами... Но последнее не потребовалось – на нижней, рабской палубе мы увидели лишь пяток надсмотрщиков, отчаянно секущих хлыстами прикованных цепями невольников. Последние дико кричат от боли, но все же пытаются поймать кнуты растопыренными пальцами да притянуть воров к себе... Пока что у рабов, отчаянно рвущихся сразиться за свою свободу, ничего не выходит, но среди отчаянной брани на всех языках я расслышал и забористые ругательства на родной русской речи!

– Бей!!!

Дружинные ринулись вперед, на опешивших надсмотрщиков, освещенных лишь тусклым светом пяти-шести факелов. Последние, хоть и достали фашильоны, а кто и простые тесаки, были истреблены в считанные секунды, после чего я возвысил голос:

– С вами говорит князь Елецкий Федор! Я веду в бой уш-

куйников и казаков, фрязи – наши враги. Кто из невольников с Руси?

– Я, княже!

– Я!

– Исполать тебе, батюшка! Освободи!

– Всех освобожу! Остальные кто? Знаете их язык, сможете объяснить то, о чем прошу?

– Да, да!

Русичей среди рабов не столь и много – быть может, пятая часть. Как выяснилось, большинство гребцов – черкесы, но есть и собственно итальянские каторжники, попавшие на галеры за преступления или долги, и некоторое количество мусульман.

– Спросите их – пусть поднимут руки все, кто готов сражаться!

Черкесы как один вскинули руки, дико, яростно завыв. К ним присоединились и мусульмане, а вот итальянцы в большинстве своем остались молча сидеть на гребных скамьях, опустив глаза. Но не все...

– Значит так, освобождаем тех мужей, кто готов драться. Освобожденным от оков строиться промеж скамей, без моей команды наверх не подниматься! Дружинные – встать у подъема на палубу, никого наверх не пускать! Русичи... Русичи-невольники, становитесь позади всех. Сеча будет лютой...

Альтруизм – это очень хорошо. Я всегда за альтруизм, ко-

гда это разумно и возможно! А сейчас альтруизм – это сбегать как можно больше жизней моих ратников за счет рабов, мечтающих поквитаться с фрягами именно этой корабельной команды! Что же, мы даровали им свободу и шанс свершить возмездие за бесчисленные унижения, побои, истязания... За неволю – и столь короткую жизнь на гребной скамье.

Так что все справедливо...

Моим ратникам потребовалось не более пяти минут, чтобы освободить черкесов. И последние столпились внизу, ожидая начала схватки теперь уже молчаливо, но с бешено горящими глазами. Они подобрали ножи и тесаки надсмотрщиков, а я скрепя сердце отдал крепкому рослому горцу свой топор. Поделились оружием со вставшими в первом ряду адыгэ и прочие дружинные, а то уж как-то совсем не людски бросать их в бой с голыми руками... Впрочем, большинству придется добывать оружие именно в сече.

Как мы и условились, я первым ринулся наверх:

– Повольники, казаки! Все к бортам! Прижаться к бортам, выйти из боя!!!

Дружинники и ротники услышали мой голос, принялись спешно отступать к фальшборту; замершие на палубе фряги, коих осталось не более полусотни, также начали сбиваться в кучу. Но в то же время на кормовой надстройке я разглядел арбалетчиков, принявшихся спешно взводить свои самострелы... Ну конечно, теперь-то хаос боя не мешает им це-

литься!

– Стрельцы, бей по арбалетчикам! Адыгэ, вперед! Руби!!!

Тетивы запели практически одновременно, но хлопки самострелов мгновенно потонули в диком реве и вое рванувших на палубу черкесов! Я как можно скорее отступил к фальшборту, дав дорогу истощенным горцам – последние ринулись на врага с такой безумной яростью, что мне стало не по себе... Даже самые измученные из невольников обрели силу крепких, здоровых мужей, пусть и ненадолго. Так что и сами гемуэзцы невольно попятнулись назад под психическим напором адыгэ...

Вперед вырвался крепкий молодец, несущий в руках мою секиру; арбалетные болты унесли жизни его товарищей, но смерть пощадила храбреца. По крайней мере, до момента сечи; я еще успел разглядеть, как черкес молниеносно рубанул по замершему на пути гемуэзцу, попытавшемуся подставить баклер под рухнувший сверху чекан... Фрязя мог спасти лишь маневр или собственный опережающий удар. Однако, дрогнув при виде разъяренных рабов, ринувшихся в атаку, и утратив мужество пусть на краткое мгновение, он не сделал ни того ни другого. И тотчас рухнул на палубу, заливая доски кровью из глубокой рубленной раны, перехватившей ключицу и грудь...

Яростная схватка на корабле очень быстро превратилась в кровавую бойню. С очень большими потерями с обеих сторон – атакующие явно решились заплатить за возмездие лю-

бую цену и не дарят пощады никому. Адыгэ хватают оружие на палубе или забирают его из еще теплых рук павших генуэзцев; ни те ни другие, за редким исключением со стороны фрязей, не успели облачиться в броню. Так что дерутся на равных, но черкесов больше, и к черкесам присоединились новые пленники, покинувшие палубу гребцов.

На наших глазах невольники захлестнули бывших господ неудержимой волной ярости и стали! И спустя минут пять хаотичной яростной сечи они уже пробились на боевую площадку в хвосте судна... Ют, если я не ошибаюсь? К концу боя на нем укрылись лишь несколько арбалетчиков и пара воинов в хорошей броне – возможно, офицеры. Но, так или иначе, рукопашная схватка на юте заняла считанные секунды, и сохранить жизнь офицерам ради выкупа никто не пожелал...

Я удивился, когда с юта спустился все еще живой черкес, до самого конца рубившийся моим чеканом. Окровавленный (но, как кажется, забрызганный именно чужой кровью), тяжело дышащий горец приблизился ко мне и протянул липкий, столь же грязный чекан. После что-то громко произнес, возвысив голос... Однако же я разобрал лишь одно слово – Екеж, показавшееся мне смутно знакомым.

– Княже, он говорит, что обязан тебе своей свободой и считает тебя своим господином, пока не спасет уже твою жизнь. Примешь ли ты его службу?

На мгновение заколебавшись, я все же уточнил:

– Это честный человек?

Выступивший из темноты переводчик из числа невольников согласно кивнул головой:

– Насколько мне известно – да. В плавании он старался поддерживать товарищей и помогать им – и не только касогов. Его зовут Екеж.

– Что же... В таком случае переведи Екежу, что я принимаю службу столь славного витязя и оставляю ему подаренное мной оружие.

Черкес, выслушав перевод толмача, лишь согласно склонил голову, опустив топор. Вот и еще один воин в мою дружину...

Глава 3

Липень (июль) 1382 года от Рождества Христова. Гавань Порто-Пизано

Бой на остальных галерах постепенно затих – пусть и позже, чем на нашем корабле. На одном судне схватка кипела еще минут так десять, не менее! Хотя я предупреждал ватажных голов о рабах-гребцах, люто ненавидящих господ-генуэзцев еще до начала абордажа... Ладно, где смогли, там освободили по ходу схватки, и, надеюсь, действительно серьезных потерь нам удалось избежать. Увы, в настоящий момент нет никакой возможности выяснить реальное положение дел.

Ну вот не изобрели еще повольники семафорную связь!

Но мысли о потерях не единственное, что меня сейчас тревожит, потому как на пристанях поднялась какая-то подозрительная суета. В темноте, увы, ничего не видно – ночной мрак из надежного союзника стал врагом. Что же...

– Миша, Алексей! Соберите уцелевших невольников-русичей, разбейте на десятки и поставьте на каждый голову из числа дружинных. Толмач!

Ко мне суетливо подбежал невысокий шупловатый (ну а каким еще быть после рабских харчей?) мужик с заметными залысинами на висках.

– Тебя как звать?

– Аристархом, княже.

У меня глаза полезли на лоб от удивления:

– Вот как? Кто же тебя назвал таким дивным именем?

Мать или отец?

– Матушка, княже... Я не русич, я ромей. Но долгое время прожил на Руси, а после в землях адыгэ, служил в Зихийском епископате.

– Так ты священник?

Аристарх понуро склонил голову:

– Был им... До рабства.

– Понятно... Аристарх, переведи Екежу, что черкесы потребуются мне прямо сейчас. Пусть поговорит со своими – все мужи, кто возьмет в руки оружие и примет участие в бою за город, получают равную долю добычи с моими воями. А кто надумает, тот также вступит в мою дружину. Пусть соберут не только оружие, но и брони и собираются на палубе... Я посчитаю наши потери и уже тогда разобью адыгэ по стругам.

Грек согласно кивнул, после чего уточнил:

– Думаю, за Екежем пойдут все зихи. Все же он княжеского рода, а среди уцелевших черкесов есть его бывшие воины...

– Вот и действуй... Ротники! Нужно снять «тюфяки» с бортов. Хотите – вырубайте станки, но пушки нам потребуются уже сейчас!

Захваченная нами галера вооружена всего лишь шестью небольшими бомбардами – все же огнестрельное оружие по-

ка еще не получило масштабного распространения в Западной Европе. А в морских схватках генуэзцы издревле полагаются на точность и убойную дальность стрельбы своих арбалетчиков. Более того, серьезных морских орудий на лафетах, насколько мне известно, вообще нигде нет... Так что остаются лишь небольшие пушечки, в будущем известные как фальконеты. Причем, как я понял, начать бить из них картечью фрязи не догадались, но, возможно, помимо каменных ядер они также могут использовать и раскаленные железные. В этом случае ядро работает как зажигательный снаряд.

По ходу корабельной схватки воспользоваться бомбардами генуэзцы не успели – мои абордажные команды тотчас оттеснили противника от фальшбортов. Но теперь не использовать трофейное и столь прогрессивное оружие я считаю едва ли не преступным...

– Заодно соберите весь запас болтов! Да и самострелы трофейные подбирайте, пригодятся!

Приготовления к штурму Порто-Пизано заняли не менее получаса – необходимо было посчитать своих убитых, оказать помощь раненым. В общей сложности выбыло восемнадцать человек, но это со всех четырех кораблей... А кроме того, требовалось сформировать заново команды с учетом пополнения черкесов и закрепить станки трофейных бомбард на ушкуях повольников и казачьем струге. Заодно уж и сформировать расчеты, объяснив новоиспеченным артиллеристам, как заряжать бомбарды и как стрелять из них... Ко-

роче, это просто отлично, что мы уложились *всего* в полчаса.

К тому же мне пришлось ждать звуковых сигналов о готовности выступить и со стороны ватажных голов. И только когда последний из них единожды протрубил в рог, я приклонил к губам собственный и дважды ответил протяжным ревом.

Сигнал к общей атаке!

Буквально десяток секунд спустя от пристани отчалила небольшая галера-фусте, силуэт которой едва различим в ночи. С заледеневшим сердцем я принялся следить за движением огоньков на корме и носу корабля, способного броситься нам наперерез и нанести немалый урон даже в одиночку! Ведь у вражеских арбалетчиков будет преимущество высоты бортов их судна, да и пушечное вооружение на фусте вполне может быть... А еще – в теории, конечно, – даже малая галера вполне может протаранить низкий борт струга надводным шпироном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.